

ИРОНИЯ КАК РИТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Постановка проблемы. Если рассматривать иронию как фигуру мышления и языка, то прежде всего открывается ее риторический аспект. Риторическая ирония является как интеллектуальным приемом, так и текстуальной трансформацией, позволяющей полностью изменять смысл. Трудность в определении термина иронии кроется в его сущности, поскольку ирония, с одной стороны, охватывает все тропы, но, с другой стороны, ее сложно назвать тропом. Является ли ирония тропом? Понимание природы иронии расширяет возможности ее определения в различных контекстах и выявления ее влияния на коммуникативную функцию языка.

Анализ последних исследований и публикаций. Поиск ответа на описанную проблематику находится в сфере междисциплинарных исследований философии, лингвистики и литературоведения. Данная проблема широко изучалась американскими учеными, в частности литературоведами Поль де Манном и Уэйном Бутом. Этих исследователей интересовали признаки иронии как тропа, ее роль в литературных текстах и возможность ее классификации. Среди европейских источников стоит обратить внимание на исследования феномена иронии французского философа Владимира Янкелевича. Его проникновение в суть природы иронии остается одним из самых глубоких и подлинных. Немецкий филолог и философ Харальд Вайнрих анализирует отличие иронии от лжи, проливая свет на особенности функционирования иронии в языке.

Целью статьи является анализ иронии как риторической категории и описание сущности этой категории.

Изложение основного материала исследования. Традиционно ирония считается тропом. Если сегодня исследовать применение иронии для усиления художественной выразительности речи, можно ли выделить область или семантическое поле, где данный конкретный троп употребляется чаще всего? [5]. Норттроп Фрай (Northrop Frye) склоняется

к мнению, что ирония — это троп. Он характеризует иронию как «комбинацию слов, которая *отходит* от прямого утверждения или собственного явного значения». И добавляет: «я не имею в виду слова в привычном значении» [2]. «Комбинация слов, которая *отходит*...» — в этом «отходе» и заключается смысл тропа, его действие. Сам термин «троп» означает «уходить, поворачивать», и именно этот отход, это несоответствие буквального и фигурального значения, это искривление смысла, несомненно, заложено во все традиционные определения иронии — «подразумевается одно, говорится другое», «лесть под видом поругания» и др., — хотя чувствуется, что подобный отход несет чуть больше, более глубокое отрицание, чем то, которое выражается обыкновенными тропами, такими как синекдоха, метафора или метонимия. Очевидно, что ирония — это троп тропов, причем этот троп характеризуется термином «отход», однако данное понятие настолько всеобъемлюще, что оно может охватывать все остальные тропы. Поэтому высказывания о том, что ирония включает в себя все тропы или что ирония — это троп тропов, не могут служить четким определением этого термина. Ведь далее последует вопрос: а что такое троп и т. д.? А наверняка это неизвестно. Тогда что такое троп тропов? Тем более неясно. Язык определений беспомощен, когда дело касается иронии [5].

Риторическая ирония коммуникативна по своей природе и существует только в процессе общения. Модели иронической коммуникации различаются в зависимости от количества участников и соотношения объекта и субъекта иронии.

Сущность риторической иронии заключается в содержащемся в ней противоречии — между выражаемым, утверждаемым, и подразумеваемым, то есть между явным и скрытым. Таким образом, ирония, выступающая в качестве риторического приема, оказывается тесно связанной с понятием притворства, оговаривания, мнимого незнания, которое первоначально составляло содержание иронии и благодаря которому высказывание посредством иносказания обретает в контексте речи — письменной или устной — смысл, противоположный буквальному или отрицающий его. В рамках иронической коммуникации возникает ситуация, «когда буквальный смысл опрокидывается противоречащим ему контекстом» [3].

Ироническое высказывание всегда имеет двойной смысл — прямой, буквальный, и скрытый, обратный. Истинным смыслом в ироническом высказывании является не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый. Однако специфика иронии заключается в том, что она не направлена на сокрытие истинного смысла, как,

например, ложь, но, напротив, своеобразно выявляет его через обозначенное противоречие.

Любая ложь содержит в себе противоречие между реально существующим и видимо представляемым, скрывающим за собой это реально существующее. Именно этот принцип может быть назван как основополагающий в становлении понятия «ирония», в корне отличного от понятия лжи, содержащего в себе подобное противоречие. Разница между иронией и ложью, обманом заключается в том, что в отличие от собственно лжи, которая стремится к сокрытию истины, в иронии истина и ложь не составляют противоположности. Ложь стремится скрыть имеющееся противоречие, несоответствие. Ирония же не претендует на веру в свое утверждение и стремится к раскрытию своей «лжи». Субъект иронии всегда имеет своей целью преодоление существующего противоречия.

Как замечает Янкелевич, «...ирония стремится больше изобличить нелепое, чем его победить... И представляет собой нечто среднее между несгибаемой жесткостью серьезности и эластичностью трусливого конформизма... Оцепенение между инстинктом и разумом... на полпути между трагедией и комедией. За пределами удовольствия и страдания...» [4]. По сути, ирония вскрывает природу нелепого, разрушая видимость его глубины. За позой несгибаемой серьезности и возвышенности может скрываться бессмысленность и ограниченность. Элиминировать нелепое невозможно. Его возможно «обесточить» методом иронии, разоблачив тщательно скрываемый абсурд, нонсенс. Ирония прерывает рекурсивность происходящего, самоподобие событий. Идея дурной бесконечности Гегеля складывается из аналогичных элементов — это бесконечное повторение того же самого, не имеющего своего разрешения, однотипные изменения. Дурная бесконечность совпадает с затянувшейся неразрешимой нелепостью.

Механизм иронической коммуникации состоит во внезапном осознании того, что видимый смысл является мнимым, вследствие чего буквальным смыслом уступает место новому, потенциально допустимому, приемлемому смыслу. Скрытый, лишь подразумеваемый смысл любого иронического замечания оказывается во многих случаях столь же доступным, как смысл прямо высказанный, буквальный. Это происходит благодаря определенным механизмам, сигналам и кодам, сопутствующим ироническим формулам.

Сигналы риторической иронии разнообразны. Одним из важнейших средств выражения иронии является интонация. В качестве иронического сигнала также может выступать покашливание, подмигивание,

чрезмерное использование эпитетов, паузы и др. В письменной речи ирония в большинстве случаев выражается посредством кавычек, курсива, многоточия и т. д.

Коммуникативная природа иронии и ее знаковый характер обуславливают такую особенность данного феномена, как активность интеллектуально-эмоционального восприятия. С точки зрения эмоциональной направленности ирония сохраняет связь с одним из своих первоначальных значений — насмешки, шутовства. Но в отличие, например, от шутки не ограничивается эмоциональной реакцией на некое утверждение. Понимание истинного, скрытого, но угадываемого благодаря сигналам и кодам смысла иронии требует активного интеллектуального восприятия. По мнению Х. Вайнриха, сигнал, сопровождающий иронию, «... такого сорта, что может быть как услышан, так и пропущен. То есть он относится к некоторому коду, который не идентичен всеобщему грамматическому коду и которым пользуются только те, кто обладает живостью ума» [1].

Таким образом, ирония, выступающая в качестве риторического приема, может быть охарактеризована такими чертами и особенностями, как коммуникативная природа, двойственность смысла, наличие противоречия между утверждаемым, явным (мнимым), и скрытым, подразумеваемым (истинным); наличие сигнала, кода; эмоциональная окраска, активность и интеллектуальный характер восприятия.

Первые определения комедии, где ирония как риторический прием систематично используется, встречаются у Аристотеля. В отличие от той части «Поэтики» Аристотеля, где разбирается понятие трагедии, сочинение великого мыслителя о комедии не дошло до Нового времени. По данным Аристотеля, древняя комедия родилась из дионисийских празднеств, связанных с культом плодородия, в том числе из фаллических процессий. Философ различает трагедию и комедию по следующим основаниям: 1) герои трагедии — люди высокого положения, комедии — всякий сброд; 2) предмет трагедии — события великого общественного значения, комедии — повседневные происшествия из частной жизни; 3) трагедия, как правило, основана на исторических событиях (мифах), тогда как сюжет комедии полностью выдуман автором. От всей древней аттической комедии до Нового времени уцелели только 11 пьес Аристофана, хотя по именам известно не менее полусотни работавших в то время комедиографов. Наиболее ранняя из сохранившихся комедий — «Ахарняне» — была поставлена в Афинах около 425 г. до н. э. Сюжет как таковой отсутствует. По своей форме комедия Аристофана — цепочка комических ситуаций, комментирующих во-

просы политической жизни Афин. Комедии Аристофана напичканы шутовством, плясками, песнями, инвективами, зачастую обценного свойства. Хор зачастую был одет в звериные шкуры, актёры выступали в гротескных масках, действие завершалось всеобщим пиршеством.

Непристойные насмешки, которыми славились комедии V–IV вв. до н. э., иногда переходили все границы дозволенного. Известны попытки ограничить вольность комедиографов законом.

Несколько отличаются от свойственного Аристофану карнавально-го типа те его комедии, в которых ставятся проблемы не политического, а культурного порядка. Уже первая (не дошедшая до нас) комедия Аристофана «Пирующие» (427 г.) была посвящена вопросу о старом и новом воспитании и изображала дурные последствия обучения в духе новой софистической моды. К этой же теме Аристофан вернулся в комедии «Облака» (423 г.), высмеивающей софистику. Но «Облака», которые автор считал самым серьезным из дотолее написанных им произведений, не имели успеха у зрителей и получили третий приз. Впоследствии Аристофан частично переработал свою пьесу, и она дошла до нас именно в этой, второй редакции.

Эта комедия называется так потому, что ее хор составляют облака — те новые божества, которых признает философ Сократ вместо старых греческих богов. Сократа Аристофан изображает софистом, то есть преподавателем ложной мудрости и умения обманывать в спорах. Старик-простолудин Стрепсиад, запутавшийся в долгах из-за расточительных замашек своего сына Фидиппида, прослышал о существовании мудрецов, которые умеют делать «более слабое более сильным», «неправое правым», и отправляется на выучку в «мыслильню» Сократа.

Аристофан сделал Сократа собирательной карикатурой на софистику, приписав ему теории различных духовных шарлатанов, от которых реальный Сократ был очень далек. Тогда как исторический Сократ обычно проводил все свое время на афинской площади, ученый обманщик «Облаков» Аристофана занимается вздорными исследованиями в «мыслильне», доступной лишь посвященным. Окруженный «выцветшими» и тощими учениками, он в подвесной корзине «парит в воздухе и размышляет о солнце». Сократ принимает Стрепсиада в «мыслильню» и проделывает над ним обряд «посвящения». Беспредметная и расплывчатая мудрость софистов символизируется в хоре «божественных» облаков, почитание которых отныне должно заменить традиционную греческую религию. В дальнейшем Аристофаном пародируются как естественнонаучные теории ионийских философов, так и новые софистические дисциплины, например грамматика.

Стрепсиад хочет путем софистических ухищрений доказать своим многочисленным кредиторам, что он не обязан выплачивать им свои долги. Но прямодушный простолюдин оказывается неспособным к восприятию «премудрости» и посылает вместо себя на учёбу к Сократу своего развратного сына Фидиппида. Аристофан показывает, как перед Фидиппидом состязаются в «агоне» (словесном споре) Правда («Справедливая речь») и Кривда («Несправедливая речь»). Правда восхваляет старое строгое воспитание и его благие результаты для физического и нравственного здоровья граждан. Кривда защищает свободу вожделений. Кривда побеждает.

Фидиппид быстро овладевает всеми необходимыми уловками, и его отец спроваживает своих кредиторов. Но в дальнейшем действии «Облаков» софистическое искусство сына обращается против отца, и взбешенный старик поджигает «мыслильню» Сократа. (Согласно древним источникам, нынешняя заключительная сцена и состязание Правды с Кривдой введены Аристофаном лишь во второй редакции «Облаков».)

В «Облаках» ярко отражены все идеологические и стилистические особенности творчества Аристофана. Симпатии автора и зрителя, конечно, всецело на стороне крестьянина Стрепсиада, а на все городское воспитание, которое Аристофан отождествляет с софистикой, дается резкая пародия, не пощадившая даже Сократа, противника софистов, но тоже обучавшего новой мудрости. Человеческие характеры заменяются в «Облаках» олицетворёнными идеями, но их крикливый гиперболизм делает комедию красочной и веселой. Так как вместо прежних антропоморфных божеств греческая натурфилософия проповедовала материальные стихии, то они представлены здесь в виде облаков.

Почти вся комедия состоит из ссор, споров и брани — Аристофан усматривает именно в них суть широко распространившейся в его эпоху новой «просветительской» философии.

Ирония обладает четкой перформативной функцией. Ирония утешает, обещает, прощает. Ирония позволяет реализовывать все виды перформативной функции языка, выпадающие из сферы тропологии, но при этом очень тесно связанные с ней. Одним словом, очень сложно, фактически невозможно сформировать концепцию иронии в рамках одного четкого определения.

Понимание проблемы слегка прояснит подход с точки зрения «иронизирующего человека» в категориях классического противопоставления типажей *iron* (умник) и *alazon* (глупец), которые встречаются в греческой и эллинистической комедии. Большинство дискурсов,

включая и этот, построены на подобном принципе. Умник, в силу обстоятельств являющийся зачинщиком диалога, оказывается в итоге глупцом, которого всегда обходит и обдуривает человек, которого умник (eígon) воспринимал глупцом (alazon). Уэйн Бут в своей книге «Риторика иронии» начинает с самого резонного вопроса: «Ироничен ли текст?» [6]. Как определить, что текст ироничен или, наоборот, неироничен? Это очень важно знать, на эту тему разворачивается множество дискуссий. Вопрос действительно оригинальный, ведь в любой ситуации желательно знать, какие признаки, элементы, знаки или сигналы в тексте позволяют сделать вывод, что текст ироничен.

Это подразумевает, что подобные индикаторы существуют, что подобное решение по поводу ироничности текста вообще может быть принято и что существуют текстовые элементы, позволяющие принять такое решение независимо от намерения автора, которое может быть скрытым или неочевидным. Уэйн Бут в своей работе разделяет «стабильную», или «достоверную», иронию и другой ее вид — «нестабильную» иронию, о которой он говорит намного меньше. Он отмечает следующее: «Интерпретатору стабильной иронии не нужно заходить так далеко, хотя, как мы увидели в Разделе III, некоторые иронии приводят к неопределенности» [6]. В сноске Бут отмечает: «Таким образом, выполняя практическую задачу прочтения иронии (задачи, поставленной самому себе), мы приходим к пониманию, что Кьеркегор, выполняя теоретическую задачу понимания концепции иронии, назвал бы ее в конечном итоге “абсолютно неопределенной негативностью”» [6, с. 59]. Сама ирония создает почву для сомнений, когда в голову закрадывается мысль, что в данном конкретном тексте, возможно, скрыта ирония и нет ни одной внутренней причины для прерывания процесса сомнения в любой точке, кроме неопределенности. Вспышка иронии, доведенная до завершения, в состоянии растворить все в бесчисленной цепи растворителей, и эту цепь обрывает не ирония, а желание понять иронию. Именно поэтому нужна риторика иронии, чтобы не застрять в бесконечном регрессе отрицаний.

Выводы. Ирония обладает признаками тропа и является риторической категорией, функция которой осуществляется через семантическое отклонение. Утверждаемый, видимый смысл осознанно отклоняется от скрытого, подлинного. Выявление и понимание подразумеваемого смысла выводит коммуникативную функцию языка и сознания на новый уровень взаимодействия. Обнаруженный неявный смысл неизбежно вызывает эмоциональный отклик и формирует новое оценочное суждение, изменяющее изначально заданную парадигму отношений.

Библиография

1. Вайнрих Х. Лингвистика лжи : язык и моделирование социального взаимодействия [Текст] : переводы / сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина ; общ. ред. В. В. Петрова. — М : Прогресс, 1987. — С. 44–87.
2. Фрай Н. Анатомия критики [Текст] // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. — С. 232–263.
3. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма [Текст] / Н. Б. Маньковская. — СПб. : Алетейя, 2000. — 347 с.
4. Янкевич В. Ирония. Прощение [Текст] / В. Янкевич. — М. : Республика, 2004. — 336 с.
5. De Man P. Aesthetic ideology [Текст] / Paul de Man ; Ed. with an introduction by A. Warminski. — Univ. of Minnesota Press, 1996. — P. 163–184
6. Booth, Wayne C. Rhetoric of Irony [Текст] / Wayne C. Booth. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 1974. — 310 p.

Людмила Комарницка. Іронія як риторична категорія

Анотація. Дана стаття досліджує іронію як фігуру мислення та мови. У мовному контексті відкривається риторичний аспект іронії. Риторична іронія є як інтелектуальною операцією, так і текстовим перетворенням, що дозволяє повністю змінити сенс. Аналізується, як виникає та функціонує іронія в процесі комунікації, міняючи сенс очевидного і стверджуваного. Механізм іронічної комунікації полягає в раптовому усвідомленні того, що видимий сенс є уявним, внаслідок чого буквальный сенс поступається місцем новому, потенційно допустимому, прийнятному сенсу. Перформативна функція іронії носить емоційно-оціночний характер. Вона втішає, прощає та обіцяє. Іронія як риторична категорія виникає в різні епохи, але єдиною загальноприйнятого визначення цього поняття не існує, як і не існує стабільно однорідних ознак її визначення в тексті. Сама іронія створює ґрунт для сумнівів, що в даному конкретному тексті, можливо, прихована іронія.

Ключові слова: іронія, риторична категорія, троп, комунікація, сенс.

Людмила Комарницкая. Ирония как риторическая категория

Аннотация. Данная статья исследует иронию как фигуру мышления и языка. В языковом контексте открывается риторический аспект иронии. Риторическая ирония является как интеллектуальной операцией, так и текстуальным преобразованием, позволяющим полностью изменять смысл. Анализируется, как возникает и функционирует ирония в процессе коммуникации, меняя смысл очевидного и утверждаемого. Механизм иронической коммуникации состоит во внезапном осознании того, что видимый смысл является мнимым, вследствие чего буквальный смысл уступает место новому, потенциально допустимому, приемлемому смыслу. Перформативная функция иронии носит эмоционально-оценочный характер. Она утешает, прощает и обещает. Ирония как риторическая категория возникает в разные эпохи, но единого общепринятого определения этого понятия не существует, как и не существует стабильно однородных признаков ее определения в тексте. Сама ирония создает почву для сомнений, что в данном конкретном тексте, возможно, скрыта ирония.

Ключевые слова: ирония, риторическая категория, троп, коммуникация, смысл.

Liudmyla Komarnytska. Irony as a rhetorical category

Summary. This article researches irony as a form of thinking and language. In the linguistic context a rhetorical aspect of irony is exposed. Rhetorical irony is an intellectual operation as well as textual transformation totally changing sense of the text. It is analysed how irony emerges and operates in the communication process, altering the sense of the obvious and said. The mechanism of ironic communication is the sudden realization that the apparent sense is imaginary, so that the literal sense gives way to the new potentially admissible, acceptable sense. Performative function of irony is the emotional and evaluative. It comforts, forgives and promises. Irony as a rhetorical category occurs at different times, but a single universally accepted definition of this concept does not exist, as there is no sign of its stable homogeneous definition in the text. The irony itself creates grounds for doubts that in this particular text irony may be hidden.

Keywords: irony, rhetorical category, trope, communication, sense.